

И. К. Стаф

ORCID: 0000-0003-3975-6617

✉ irina.staf@gmail.com

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

Диалог новеллами в эпоху Возрождения: от придворной практики к городской игре

Аннотация. Репрезентация устного рассказа в ренессансных книгах новелл предполагает не только отсылки к литературным источникам, но и описание социальных и культурных практик эпохи. Модель обрамления «Декамерона», сближающаяся с куртуазными «судами любви» и жё парти, в начале XV в. отчасти отразилась в устройстве «Любовного двора» Карла VI. Одна из разновидностей подобного аристократического досуга, коллективное чтение, сопровождающееся пением, музыкой и танцами, оказала в XVI в. влияние на деятельность итальянских «академий». При апроприации этой модели поведения городской литературой рассказывание новелл приобретает функцию обмена новостями выражено комического характера. Сближение аристократической и городской практик рецитации, отразившееся, в частности, в заглавиях издательских новеллистических сборников, вызвало к жизни — под влиянием гуманистической традиции — идею новеллы как игры, коллективного перформанса, которая получила теоретическое обоснование в «Диалоге об играх» Джироламо Баргалли. Обмен новеллами можно считать одной из важных практик эпохи, культурное содержание которой менялось в соответствии с историческим и социальным контекстом.

Ключевые слова: Ренессанс, новелла, «Декамерон», «суды любви», придворное чтение, новость, игра, академии

Для цитирования: Стаф И. К. Диалог новеллами в эпоху Возрождения: от придворной практики к городской игре // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 72–83. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-72-83>.

*Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.
Принято к печати 13 января 2022 г.*

I. K. Staf

ORCID: 0000-0003-3975-6617

✉ irina.staf@gmail.com

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science (Russia, Moscow)

DIALOGUE BY SHORT STORIES IN THE RENAISSANCE: FROM COURTLY PRACTICE TO URBAN PLAY

Abstract. The representation of oral narrative in Renaissance novella books involves not only references to literary sources, but also descriptions of social and cultural practices of the era. The framing model of The Decameron, converging with the Courtois Courts of Love and the *jeux-partis*, was partly reflected in the arrangement of Charles VI's Court of Love in the early fifteenth century. One form of such aristocratic pastime, collective reading accompanied by singing, music, and dancing, influenced the activities of Italian "academies" in the 16th century. With the appropriation of this model of behaviour by urban literature, storytelling takes on the function of an exchange of news of a distinctly comic nature (Franco Sacchetti, Philippe de Vigneulles). The convergence between aristocratic and urban practices of recitation, reflected in particular in the titles of published novellas, brought to life — under the influence of the humanist tradition (Giovanni Pontano, Baldassare Castiglione) — the idea of the novella as a game, a collective performance, which was theorised in Girolamo Bargagli's *Dialogue on Games*. The exchange of short stories can be considered one of the important practices of the era, the cultural content of which changed according to the historical and social context.

Keywords: Renaissance, novella, The Decameron, Courts of Love, court reading, news, game, academies

To cite this article: Staf, I. K. (2022). Dialogue by short stories in the Renaissance: From courtly practice to urban play. *Shagi / Steps*, 8(2), 72–83. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-72-83>.

Received December 6, 2021

Accepted January 13, 2022

Ренессансная новеллистическая книга на народном языке с момента рождения под пером Боккаччо и вплоть до конца XVI столетия функционировала не столько как полноценный литературный жанр, обладающий устойчивыми признаками — предпринятую в 1574 г. Франческо Бончани¹ попытку выделить эти признаки в свете «Поэтики» Аристотеля вряд ли можно назвать успешной, — сколько как изменчивая форма, вбирающая в себя черты других литературных жанров и форм, обладающая выраженной прагматикой и тесно связанная с речевыми и культурными практиками эпохи.

Многие историки литературы, начиная со второй половины XX в., считают именно репрезентацию устного диалога — того, что Ж. Матье-Кастеллани именует «беседой рассказами» [Matthieu-Castellani 1992], — главной характеристикой новеллы и, шире, короткого повествования эпохи Ренессанса²: «...определяющим для повествовательного жанра, — пишет Г.-А. Перуз, — в очень большом числе случаев становится, по-видимому, присутствие группы “рассказчиков” (причем деятельность этой группы необычайно важна и даже составляет основное повествование) — общества, речи которого необязательно являются рассказами» [Pérouse 1978: 5] (см. также: [Sempoux 1973; Graedel 1959; Baldissoni 1985; Di Legami 2016]).

Репрезентация устного рассказа предполагает описание контекста, в котором существует и действует кружок рассказчиков. На протяжении XIV–XVI вв. контекст этот мог значительно варьироваться, так или иначе отображая социальные практики, в рамках которых происходит обмен историями. Боккаччо в «Декамероне», выстраивая этический и социокультурный идеал, противостоящий чумному хаосу Флорентийской республики³, ориентируется не только на литературные источники — от «Тысячи и одной ночи» и «Сатурналий» Макробия до «Графа Луканора» и рыцарского романа, в том числе своего «Филоколо». Идеал этот, безусловно, помещен в пространство поэтического вымысла (*fiction*), однако некоторые его черты позволяют искать сходства и аналогии с известными нам по другим источникам культурными практиками эпохи.

Прежде всего рассказчики, носящие у Боккаччо подчеркнуто литературные имена, благородного происхождения и образованны: «все разумные и родовитые, красивые, добрых нравов и сдержанно-приветливые» [Боккаччо 1955: 38–39]. Все они связаны либо родством, либо — и это главное — любовными узами. Сама книга создана «на помощь и в утешение любящим» дамам. Обмен новеллами, тему которых задает король или королева, вписан в строгий распорядок дня, наряду с музицированием, танцами и пением (поэзией). Последняя черта важна, поскольку музыка и танец, неотделимые друг от друга

¹ В «Лекции о том, как слагать новеллы» (*Lezione sopra comporre delle novelle*), предназначенной, скорее всего, для чтения во Флорентийской академии или в «Академии Искаженных» (*Academia degli Alterati*), в которых он состоял. Сохранилась в рукописях, впервые издана в 1972 г.

² Ср., например, книгу М. Же, где основные черты устного текста, выделенные П. Зюмтором [Zimthor 1983], распространяются на всю литературную продукцию Средних веков и Возрождения: «Вплоть до XVII в. письменные тексты (...) отвечают описаниям текста устного» [Jeau 1992: 62].

³ Об истоках политико-этических идей Боккаччо, отразившихся в обрамлении «Декамерона», см., в частности: [Jossa 2013–2014; Ellero 2017].

в искусстве и культуре XIV в., всегда связывались с придворным обществом и представлялись как «развлечения, отличающие аристократический образ жизни» [Clouzot 2009: 56] (см. также: [Aurell 2018]). Таким образом, мы находимся в пространстве куртуазной любви с присущим ей кодексом поведения, описанным еще в XII в. Андреем Капелланом в трактате «О любви». Непременной частью этого кодекса — у Андрея Капеллана она занимает вторую книгу трактата — являлось обсуждение различных любовных вопросов, принимавшее форму как тенсон и жё парти трубадуров, так и «юридических» дебатов, завершавшихся вынесением решения⁴. Иными словами, обмен новеллами с последующим их обсуждением — занимающим у Боккаччо подчиненное место, но разрастающимся у ряда его последователей, например у Маргариты Наваррской, — приобретает сходство со знаменитыми *corti d'amore*, «судами любви» (или «дворами»), поскольку итальянское *corte* и французское *cour* имеют оба значения). Говорить о сходстве здесь тем более уместно, что в «Филоколо» заглавный герой, оказавшись при неаполитанском дворе, участвует в придворной забаве — именно таком «суде» (знаменитый эпизод «любовных вопросов», *Questioni d'amore*⁵, в четвертой книге романа), причем сюжет по крайней мере двух новелл Десятого дня «Декамерона» (IV и V) полностью совпадает с двумя «вопросами» (IV и XIII)⁶.

Подавляющее большинство историков рассматривают подобные «суды» как сугубо вымышленный конструкт, отрицая их реальное существование [Rajna 1890; Crescini 1909–1910], но оговаривая, что описания Андрея Капеллана, по-видимому, оказали серьезное «воздействие на менталитет» и распространение куртуазной доктрины [Bourgain 1986: 36]. Пребывание Боккаччо в 1330-е годы в Неаполе, при анжуйском дворе, особо ценившем музыку и поэзию [Barbero 1998] и изначально тесно связанном с центрами провансальской культуры, позволяет (со всей осторожностью) предположить, что включение в «Филоколо» любовных *casus* было навеяно не только чисто литературной традицией, но одним из видов аристократического досуга. Как пишет П.-Л. Черизола, «...первоначальный замысел оформления ["Декамерона"], видимо, был подсказан реальным времяпрепровождением, которое он наблюдал в молодости в Неаполе — так называемыми жё парти» [Cerisola 1975: 139].

Так или иначе, взаимодействие придворных практик и словесности нашло яркое воплощение спустя столетия, при дворе французского короля Карла VI. 6 января 1401 г. (1400 г. по старому летоисчислению) в королевском замке в Манте герцогами Людовиком Бурбоном и Филиппом Бургундским был учрежден так называемый Любовный двор (*Cour amoureuse*), призванный славить дам и любовь посредством поэтических и риторических состязаний. Описание причин, по которым два герцога решили основать эту «институ-

⁴ О роли бесед и рассказов в куртуазных практиках см., например: [Schnell 1989; Guerreau-Jalabert 1997].

⁵ Впоследствии этот эпизод, пользовавшийся большой популярностью, даже издавался отдельно: таков, например, французский перевод, предположительно атрибутируемый Жану Леблону [Treize elegantes demandes 1541].

⁶ См.: [Guardiani 1986]. Отметим также, что герои «Филоколо», подобно рассказчикам «Декамерона», обретают через любовь «социальную» мудрость, которая позволяет первым прекратить междоусобицу и основать «новый город» Чертальядо, а вторым — вернуться во Флоренцию, уже не опасаясь общественного хаоса, вызванного чумой.

цию», разительно напоминает обрамление «Декамерона». Обращаясь к королю, они просят:

...среди сей тягостной и вредоносной эпидемии чумы, ныне протекающей в сем христианнейшем королевстве, да будет [Карлу VI] угодно, дабы часть времени проводить более изысканно и заново пробудить радость, учредить и назначить в своем королевском дворце государя любовного двора, каковой бы по праву владычествовал над подданными оногo любовного двора⁷.

В число многочисленных (около 700 человек) «подданных» Любовного двора входили не только представители высшей знати, но и гуманисты Гонтье Коль и Жан де Монтрёй, Ален Шартье, королевский секретарь и поэт Жан Капель, сын Кристины Пизанской, и др.: двор, «управляемый и основанный под водительством, авторитетом и ручательством таковых двух весьма похвальных добродетелей, каковые суть смирение и верность»⁸, выступал своего рода идеалом общежития, базирующимся на той *cortesia*, которая для Боккаччо заключалась в «учтивых деяниях, иначе в совместной свободной и веселой жизни, с возможной ко всем почтительностью»⁹. В хартии значится намерение «объединить подданных нашего любовного двора в приятное и веселое общество»¹⁰, где, несмотря на иерархичность структуры — государь, трое главных хранителей, посланники, секретари и т. д., — все должности считаются равными¹¹.

Любовный двор, соединяющий в себе черты поэтического «пюи» (которые устраивались каждый месяц) и любовного суда («...если приятного развлечения ради возникнут какие вопросы среди наших подданных в виде любовной тяжбы, дабы изложить различные мнения»¹²), служит выразительным примером придворных практик, которые так или иначе нашли отражение в обрамленных сборниках новелл, возникших после «Декамерона», — от «Новелл» Джованни Серкамби (ок. 1400) до «Бесед» Аньоло Фиренцуолы (1525), где три дамы и трое юношей под водительством Костанцы Амаретты подражают досугам *lieta brigata* Боккаччо, «Гептамерона» Маргариты Наваррской, «Речей в зачарованных полях» Клода де Тайемона (1553) или «Ста новелл»

⁷ ...en ceste desplaisant et contraire pestilence de epidemie presentement courant en ce tres crestien royaume, que pour passer partie du tempz plus gracieusement et affin de trouver esveil de nouvelle joye, il lui pleust ordonner et creer en son royal hostel I prince de la court d'amours, seigneurissant sur les subgès de retenue d'icelle amoureuse court (цит. по: [Poitvin 1886: 202–203]). К сожалению, издание материалов Любовного двора Карлы Боццоло и Элен Лойо [Bozzolo, Loyau 1982] осталось для нас недоступным.

⁸ ...en gouvernement et fondee principalement soubz la conduite, force et seurté d'icelles deux tres loees vertus, c'est assavoir humilité et leauté [Poitvin 1886: 203].

⁹ ...negli atti civili, cioè nel vivere insieme liberamente e lietamente, e fare onore a tutti secondo le possibilità [Boccaccio 1918: 222].

¹⁰ ...mettre ensemble les subgès retenus de nostre amoureuse court en douce et solacieuse compaignie [Poitvin 1886: 205].

¹¹ ...il n'est aucun petit office en court d'amours sy dignement fondée («в столь достойном устроенном любовном дворе нет мелких должностей») [Poitvin 1886: 208].

¹² ...se aucunes questions pour plaisant passetempz sourdoient entre noz subgès en fourme d'amoureux procès pour differentes oppinions soustenir [Poitvin 1886: 212].

Франческо Сансовино (1561). По мнению Ф. Пиперно, книга новелл XVI в. «представляет собой типичный продукт учтивого красноречия, понимаемого как способ общения придворного общества» [Piperno 2015: 415].

Одной из разновидностей таких практик может считаться также обычай совместного чтения, о котором пишет А. Петруччи: «Придворное чтение входит как вспомогательный элемент в более сложную и органичную “пай-дейю”, включающую в себя искусства беседы, музыки и телесных упражнений; оно часто сопутствует прогулке, игре, танцам, фехтованию либо чередуется с ними и завершается музыкой. Кроме того, если для клирика или купца чтение почти всегда остается чисто мужским занятием, придворному чтению дамы предаются наравне с мужчинами» [Petrucci 1984: 613]. Петруччи ссылается в качестве примера на эпизод с совместным чтением дантовских Франчески и Паоло — к которому отсылает и второе название «Декамерона», «Принц Галеотто». Стоит добавить, что аналогичный мотив встречается в средневековых романах (например, во «Флорисе и Лириопе» трувера Робера де Блуа, где юная пара поочередно читает историю Пирама и Фисбы), а в первом «пост-боккаччиевском» сборнике новелл, «Пекороне» сера Джованни Флорентийца (1385), он трансформируется в обмен новеллами между юношей Ауретто (или Ауректо, анаграмма *auctore*) — и его возлюбленной, монахиней Сатурниной. В «Вечерних трапезах» Антонфранческо Граццини (после 1540 г., опубли. в середине XVIII в.) пять юных дам, «знатных и красивых, изумительно веселых и изящных» (*nobili e belle tutte, leggiadre e graziose a meraviglia* [Grazzini 1868: 2]), и пятеро юношей «из первых и благороднейших» (*de' primi e più gentili*) [Ibid.: 1] во Флоренции после пения мадригалов собираются по очереди читать «Сто новелл» Боккаччо — книгу, «наипрекраснейшую и наиболее полезную из всех, что когда-либо были написаны» (*il più bello ed il più utile che fusse mai stato composto* [Ibid.: 4]), — но решают вместо чтения рассказывать собственные новеллы, отведя этому занятию три вечера. Взаимозаменяемость двух практик лишней раз подчеркивает неразрывную связь *novellare* с другими формами изысканного коллективного досуга. Уместно напомнить, что подобные досуги в несколько трансформированном виде стали непременным элементом деятельности итальянских академий Возрождения, в частности «Академии Мокрых» (*Accademia degli Umidi*), основанной в 1540 г. при активном участии Граццини и превратившейся через год во Флорентийскую академию [Plaisance 2004]: в ее первоначальном уставе предусматривалось, что «академики» на своих собраниях будут читать и комментировать Петрарку и других лучших тосканских авторов.

Апроприация городской литературой модели сборника, предложенной Боккаччо, как правило, имела следствием отказ от обрамляющей конструкции. Однако мотив кружка, в котором происходит обмен новеллами, не исчезает: он лишь перемещается на уровень отдельных новелл. Так, в «Трехстах новеллах» пополана Франко Саккетти (конец XIV в., опубли. 1724), написанных в утешение не влюбленным дамам, а всем несчастным, оказавшимся «в бедственном и горестном положении», мотив этот проявляется время от времени то в упоминании компании, в которой оказался автор-рассказчик (нов. 37, 112 и др.), то в реакции слушателей на острое словцо героя (нов. 7, 11, 20 и др.). Если первый французский новеллистический сборник, «Сто новых новелл»

(ок. 1462), созданный при дворе герцога бургундского Филиппа Доброго, хотя и не имеет обрамления, тем не менее имплицитно воплощает идею придворного досуга (рассказчики, обозначенные перед каждой новеллой, — реальные приближенные герцога Филиппа [Champion 1928: lxxiii–cxv], то у торговца из Меца Филиппа де Виньоля, составившего одноименную книгу новелл в начале XVI в., все истории услышаны «в доброй компании» (*en bonne compagnie*), а «читатель <...> может передавать эти истории дальше, читая их другим и в свой черед становясь рассказчиком. Очевидная цель автора — запечатлеть на письме новеллы, которые впоследствии лягут в основу устного исполнения, чтения вслух или рецитации» [Vélissariou 2019: 284].

На первый взгляд, перед нами одна и та же практика, получившая распространение в разных социальных стратах: горожане, как и образованные аристократы, собираются вместе, дабы развлечься рассказами. Однако культурный смысл *novellare* в двух этих контекстах различен. Придворная, «куртуазная» модель поведения не только предполагает наличие сопутствующих занятий (музыка, пение, танцы), но и ставит на первое место риторическое совершенство рассказа и последующий изящный диалог. Члены городских «добрых компаний» подчеркивают, что делятся подлинными происшествиями, иначе говоря, новостями. «Несчастливая новость и происшествие приключилось со мною после вашего ухода», — говорит персонаж первой новеллы Филиппа де Виньоля¹³; «...оказался я недавно в доброй компании, в каковой рассказывали многие славные новости для смеха», — начинает автор новеллу 55¹⁴. Обмен новеллами-новостями, с одной стороны, играет роль, так сказать, «средневекового СМИ», а с другой — преследует сугубо увеселительные цели. Филипп де Виньоля постоянно описывает реакцию публики на записанные им рассказы — это не обсуждение, но коллективный хохот, к которому автор призывает присоединиться своих читателей/слушателей: уловка из новеллы 18 «даст вам повод посмеяться» (*vous donra cause de rire* [Philippe de Vigneulles 1972: 104]); «услышите вы еще одну славную шутку, чтоб людям посмеяться, коль желаете о ней послушать»¹⁵, — обращается он к аудитории в новелле 17.

О частичном сближении или совмещении двух моделей обмена рассказами в XVI в. можно судить по характерным заглавиям, которые дают сборникам новелл либрарии и печатники. Бургундские «Сто новых новелл», например, именуется «новыми приятными и увеселительными рассказами для веселой беседы во всякой компании» [Cent Nouvelles Nouvelles s. d.]¹⁶, а «Фациции» Поджо в переложении Гийома Тардифа предназначены для «пересказа в любых добрых компаниях» [Poggio 1520]. Книга новелл воспринимается как источник занятых историй, пособие для поддержания разговора. При этом к середине столетия рамки понятия «добрые компании», напрямую отсыла-

¹³ ...c'est une piteuse nouvelle et adventure qui m'est advenue depuis vostre despart [Philippe de Vigneulles 1972: 60].

¹⁴ Je me suis trouvez n'a mie loing temps en une bonne compaignie en laquelle se disoient pluseurs bons nouvelletez pour rire [Philippe de Vigneulles 1972: 231].

¹⁵ Mais vous oyrés encor une bonne raillerie pour gens rire se escouter le voullés [Philippe de Vigneulles 1972: 101].

¹⁶ Под аналогичными заглавиями сборник выходил вплоть до XVIII в. Об издательской эволюции «Ста новых новелл» см.: [Vélissariou 2016: 197–198].

ющего к городской традиции, расширяются, вбирая в себя элементы традиции аристократической; как следствие, книга новелл приобретает еще одну функцию — образца, «учебника» галантного красноречия. Так, загадочный «сеньор де Ламотт Руллан, лионец»¹⁷, составитель «Забавных бесед ста новых новелл» [La Motte Roullant 1549], обращаясь к читателям, излагает достоинства своего труда следующим образом:

Молю вас прочесть сии забавные беседы и оные прилежно выучить (...) и сами вы покажете дамам и иным добрым компаниям, что, прочитав все, достойны вы именоваться дамским идеалом, красноречивым и приятным [дамским] угодником¹⁸.

Как обозначался этот вид приятного времяпрепровождения, обмен новеллами, на протяжении эпохи Ренессанса? Боккаччо в «Декамероне» проводит любопытное различие: когда рассказчики, удалившись из Флоренции, задаются вопросом, чем станут заниматься, Пампинейя говорит:

...если бы вы захотели последовать моему мнению, мы провели бы жаркую часть дня не в игре (*non giucando*), в которой по необходимости состояние духа одних портится, без особого удовольствия других, либо смотрящих на нее, — а в рассказах (*ma novellando*), что может доставить удовольствие слушающим одного рассказчика [Боккаччо 1955: 45].

Игры (в частности, упомянутые автором шашки и шахматы) противопоставляются рассказам как потенциальный источник огорчений и раздора в маленькой *brigata* — общему приятному развлечению¹⁹. Такое понимание *novellare* как нельзя лучше согласуется с упомянутым нами выше боккаччиевским определением *cortesia*. Оно не противоречит и чрезвычайно широкому средневековому пониманию игры, которое могло включать в себя искусство трубадуров и жонглеров [Mussou, Tabard 2010]: последнее представляло собой зрелище, перформанс, но не коллективное занятие. Между тем уже в начале XVI в., в «Придворном» Бальдассаре Кастильоне (ок. 1515, опубл. 1528), беседа на заданную тему именуется игрой (*gioco*): в замке герцога Урбинского игры

устраивались почти каждый вечер. А порядок их был таков: сразу после ужина все сходились в покои синьоры герцогини [Элизабетты Гонзага] и сажались кругом, каждый на месте, какое кому понравится или выпадет; причем женщины чередовались с мужчинами, пока хватало женщин... [Кастильоне 2021: 24].

¹⁷ Р. Дюбийон видит в этом имени анаграмму имени издателя сборника Жана Реаля [Dubuis 1997]. См. также: [Viet 2019].

¹⁸ Je vous supplie que ces fascetieux devitz vous lisiez et iceulx retenez en bonne affection, au travail de vostre corps en vostre bonne memoire, et vous mesmes monstrez envers les dames et autres bonnes compagnies qu'en apres le tout leu vous soyez dignes d'estre appellé le paragon des dames, beau deviseur, et le plaisant valentin [La Motte Roullant 1549: f. a3v°].

¹⁹ Ср. мнение П. М. Форни [Forni 1993: 531], который трактует эту оппозицию скорее как чередование разных видов игры.

Именно такой игрой становится обсуждение качеств идеального придворного. Пример Кастильоне показателен прежде всего потому, что в его трактате прослеживается отчетливое влияние «Декамерона», особенно в первой редакции (манускрипт vat. Lat. 8204), где — случай уникальный для ренессансных подражаний Боккаччо — даже сохраняется мотив передачи «короны» от рассказчика к рассказчику [Ricci 2013: 123]. Понятие игры здесь отсылает не к средневековой, придворно-куртуазной, но к гуманистической традиции, к идее *facetudo*, которая была обоснована и развита в трактате Джованни Понтано «О беседе» (1499) [Bistagne 2007] и которой Кастильоне посвящает обширный раздел во второй книге «Придворного». Опирающаяся на авторитет античности — достаточно вспомнить Поджо, защищавшего свои «Фацеции» ссылкой на древних, которые «находили удовольствие в шутках, играх и побасенках», получая за это «не упреки, а похвалу» (*facetiis, jocos et fabulis delectatos, non reprehensionem, sed laudem meruisse*) [Поджо 1934: 67], — эта идея закрепила обмен рассказами и шутками в сфере игровых речевых практик, бесед, уже не обязательно сопровождаемых музыкой, пением и танцами. Последующая апроприация *facetudo* культурой на народном языке шла главным образом в рамках итальянских городских «академий». Одним из итогов этого процесса стал небольшой трактат о новелле Джироламо Баргальи, члена сиенской «Академии Оглушенных» (Accademia degli Intronati), включенный в его «Диалог об играх, принятых на вечерах у сиенцев» (1572). «Диалог», призванный, по словам автора, запечатлеть досуги «академиков», которые могут послужить образцом для образованных придворных [Bargagli 1572: 10], содержит перечень и описание «серьезных» (*gravi*) и «приятных» (*piacevoli*) коллективных развлечений. К их числу относится и забавная «игра в новеллу»: рассказчик раздает присутствующим имена из своей истории, и те при каждом упоминании должны на них откликаться. Иначе говоря, новелла для Баргальи — не только исключительно устный «театрализованный» рассказ (у слушателей должно складываться впечатление, что они присутствуют при описываемых событиях [Ibid.: 215]), целиком подчиненный удовольствию аудитории, но даже коллективный перформанс.

Таким образом, эволюция новеллистической книги неотделима от придворных и городских культурных практик, которые не только находили отражение в сборниках, но и обуславливали сам способ бытования короткого рассказа в эпоху Ренессанса. Можно сказать, что сам обмен новеллами представлял собой одну из таких практик, обретавшую культурный смысл в зависимости от исторического и социального контекста.

Источники

Боккаччо 1955 — Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. с итал. А. Н. Веселовского. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955.

Кастильоне 2021 — Кастильоне Б. Придворный / Пер. с итал. П. Епифанова. М.: КоЛибри, 2021.

Поджо 1934 — Поджо Браччолини. Фацетии / Пер. с лат., коммент. и вступ. ст. А. К. Дживелегова. М.; Л.: Academia, 1934.

- Bargagli 1572 — *Bargagli G.* Dialogo de' Giuochi che nelle vegghe sanesi si usano di fare. Del Materiale Intronato. Siena: Luca Bonetti, 1572.
- Boccaccio 1918 — *Boccaccio G.* Il commento alla *Divina Commedia* e gli altri scritti intorno a Dante / A cura di D. Guerri. Vol. 3. Bari: G. Laterza, 1918.
- Bozzolo, Loyau 1982 — *La Cour amoureuse dite de Charles VI.* Étude et édition critique des sources manuscrites. Armoiries et notices biographiques / Ed. C. Bozzolo, H. Loyau. T. 1. Paris: Le Léopard d'or, 1982.
- Cent nouvelles nouvelles s. d. — Les cent nouvelles nouvelles, contenant en soy cent chapitres hystoires, ou nouveaulx comptes plaisans et recreatiz pour diviser en toutes compaignies par joyeuseté. Paris: Jean Trepperel, [s. d.].
- Champion 1928 — Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. par P. Champion. Paris: E. Droz, 1928.
- Grazzini 1868 — *Le Cene di Antonfrancesco Grazzini detto il Lasca* riscontrate sui migliori codici con annotazioni / Ed. B. Fabricatore. Napoli: Società editrice degli novellieri italiani, 1868.
- La Motte Roullant 1549 — *Les Fascetieux devitz des cent nouvelles, nouvelles, tres recreatives et fort exemplaires pour resveiller les bons espritz francoys, veuz & remis en leur naturel, par le seigneur de la Motte Roullant Lyonnois, homme tresdocte & bien renommé.* Paris: Jean Réal, 1549.
- Philippe de Vigneulles 1972 — *Philippe de Vigneulles.* Les Cent nouvelles nouvelles / Ed. par Ch. H. Livingston, avec le concours de F. R. Livingston et R. H. Ivy, Jr. Genève: Droz, 1972.
- Poggio 1520 — Les facecies de poge florentin translatees de latin en francoys qui traictent de plusieurs nouvelles choses moralles pour racompter en toutes bonnes compaignies. Lyon: Olivier Arnoullet, [ca. 1520].
- Treize elegantes demandes 1541 — Treize elegantes demandes d'amours, composées par le tresfaconde poete Jehan Bocace, & depuis translattées en Francoys: lesquelles sont tresbien debatus, jugées & diffinies, ainsi que le lecteur pourra veoir par ce que s'ensuyt. Paris: Denis Janot, 1541.

References

- Aurell, M. (2018). Troubadours et trouvères. Musique, société et amour courtois. In Chr. Ca-
zaux-Kowalski, Chr. Chaillou-Amadiou, A.-Z. Rillon-Marne, & F. Zinelli (Eds.). *Les Noces
de philologie et de musicologie* (pp. 49–65). Classiques Garnier. (In French).
- Baldissone, G. (1985). La novella e l'ascolto. In G. Bárberi Squarotti (Ed.). *Metamorfosi della
novella* (pp. 33–51). Bastogi. (In Italian).
- Barbero, A. (1998). Letteratura e politica fra Provenza e Napoli. In *L'État angevin. Pouvoir,
culture et société entre XIIIe et XIVe siècle. Actes du colloque international de Rome-Naples
(7–11 novembre 1995)* (pp. 159–172). École Française de Rome. (In Italian).
- Bistagne, F. (2007). Pontano, Castiglione, Guazzo: facétie et normes de comportement dans
la *trattatistica* de la Renaissance. *Cahiers d'études italiennes*, 6, 183–192. (In French).
- Bourgain, P. (1986). Aliénor d'Aquitaine et Marie de Champagne mises en cause par André le
Chapelain. *Cahiers de civilisation médiévale*, 113–114, 29–36. (In French).
- Cerisola, P. L. (1975). La Questione della cornice del "Decameron". *Aevum*, 49(1/2), 137–156.
(In Italian).
- Clouzot, M. (2009). Sonare et ballare: Musique et danse dans les manuscrits de la fin du
Moyen Âge. In M. Clouzot, & Chr. Laloue (Eds.) *La représentation de la musique au
Moyen Âge. Actes du colloque des 2 et 3 avril 2004* (pp. 56–65). La Cité de la musique.
(In French).
- Crescini, V. (1909–1910). Nuove postille al trattato amoroso d'Andrea Cappellano. *Atti del
Reale Istituto Veneto di Scienze. Lettere e Arti*, 69(2), 1–99, 473–504. (In Italian).

- Di Legami, F. (2016). Novellistica del tardo Trecento. Studi e questioni critiche. In G. Baldassarri, V. Di Iasio, G. Ferroni, & E. Pietrobon (Eds.). *I cantieri dell'italianistica. Ricerca, didattica e organizzazione agli inizi del XXI secolo. Atti del XVIII congresso dell'ADI — Associazione degli Italianisti (Padova, 10–13 settembre 2014)* (pp. 1–10). Adi editore. (In Italian).
- Dubuis, R. (1997). Traduttore, traditore: l'affaire La Motte Roullant. In J. Dauphiné, & B. Périgot (Eds.). *Conteurs et romanciers de la Renaissance. Mélanges offerts à Gabriel-André Pérouse* (pp. 173–187). Honoré Champion. (In French).
- Ellero, M. P. (2017). Natura, desiderio e virtù tra *Filocolo* e *Decameron*. Aristotele e le corti d'amore. In M. P. Ellero, M. Residori, M. Rossi, & A. Torre (Eds.). *Il dialogo creativo. Studi per Lina Bolzoni* (pp. 379–394). Maria Paccini Fazzi ed. (In Italian).
- Forni, P. M. (1993). Appunti sull'intrattenimento decameroniano. In E. Malato, & M. Picone (Eds.). *Passare il tempo. La letteratura del gioco e dell'intrattenimento dal XII al XVI secolo* (pp. 529–540). Salerno ed. (In Italian).
- Graedel, L. (1959). *La cornice nelle raccolte novellistiche del Rinascimento italiano e i rapporti con la cornice del Decameron*. Stamperia "Il cenacolo". (In Italian).
- Guardiani, F. (1986). Boccaccio dal *Filocolo* al *Decameron*: variazioni di poetica e di retorica dall'esame di due racconti. *Carte italiane: A Journal of Italian Studies*, 1(7), 28–46. (In Italian).
- Guerreau-Jalabert, A. (1997). Le temps des créations (XIe–XIIe siècle). In J.-P. Rioux, & J.-F. Sirinelli (Eds.). *Histoire culturelle de la France* (Vol. 1, Le Moyen Âge, pp. 107–22). Seuil. (In French).
- Jeay, M. (1992). *Donner la parole. L'histoire-cadre dans les recueils de nouvelles des XVe–XVIe siècles*. CERES. (In French).
- Jossa, S. (2013–2014). "Non giocando [...] ma novellando". Primi appunti per una lettura comunitaria del *Decameron*. *Levia Gravia: Quaderno annuale della letteratura italiana*, 15–16, (pp. 17–29). (In Italian).
- Matthieu-Castellani, G. (1992). *La Conversation conteuse: les nouvelles de Marguerite de Navarre*. Presses universitaires de France. (In French).
- Mussou, A., & Tabard, L. (2010). La règle du jeu au Moyen Âge: "On ne peut bien sans règle ouvrir". *Questes. Revue pluridisciplinaire d'études médiévales*, 18, 4–29. (In French).
- Pérouse, G.-A. (1978). *Nouvelles françaises du XVIe siècle. Images de la vie du temps*. Service de reproduction des thèses Université de Lille III. (In French).
- Petrucchi, A. (1984). Lire au Moyen Âge. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Âge, Temps modernes*, 96(2), 603–616. (In French).
- Piperno, F. (2015). Musica, rime e conversari nella mutevole cornice delle *Cento novelle* di Francesco Sansovino. In S. Benedetti, F. Luciola, & P. Petteruti Pellegrino (Eds.). *Cum fide amicitia: per Rosanna Alhaique Pettinelli* (pp. 415–436). Bulzoni. (In Italian).
- Plaisance, M. (2004). *L'Accademia e il suo principe. Cultura e politica a Firenze al tempo di Cosimo I e di Francesco de' Medici*. Vecchiarelli. (In Italian).
- Poitvin, Ch. (1886). La Charte de la Cour d'Amour de l'année 1401. *Bulletins de l'Académie Royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique, Ser. 3, 12*, 191–220. (In French).
- Rajna, P. (1890). *Le Corti d'amore*. U. Hoepli. (In Italian).
- Ricci, M. T. (2013). Ideali di un'arte di vivere: dal *Decameron* al Cortegiano. *Morus — Utopia e Rinascimento*, 9, 111–128. (In Italian).
- Schnell, R. (1989). L'amour courtois en tant que discours courtois sur l'amour. *Romania*, 110, 72–126, 331–363. (In French).
- Sempoux, A. (1973). *La nouvelle*. Brepols. (In French).

- Vélissariou, A. (2016). Le paratexte des Cent Nouvelles nouvelles, du Moyen Âge au XXe siècle: titres, préfaces et introductions. In J. Devaux, & A. Vélissariou (Eds.). *Autour des Cent Nouvelles nouvelles. Sources et rayonnements, contextes et interprétations. Actes du colloque international organisé les 20 et 21 octobre 2011 à l'Université du Littoral — Côte d'Opale (Dunkerque)* (pp. 193–214). Honoré Champion. (In French).
- Vélissariou, A. (2019). Les nouvelles de Philippe de Vigneulles (1471–1528) et leur témoignage sur la société messine. In L. Evdokimova, & A. Marchandise (Eds.). *Le texte médiéval dans le processus de communication* (pp. 279–294). Classiques Garnier. (In French).
- Viet, N. (2019). “Treschevaleureux capitaines” contre “crocheteurs de flascons”: lecteurs et lectorats dans les *Fascetieux devitz des Cent nouvelles nouvelles* du Seigneur de La Motte Roullant. *Renaissance and Reformation = Renaissance et Réforme*, 42(1), 189–210. (In French).
- Zumthor, P. (1983). *Introduction à la poésie orale*. Seuil. (In French).

* * *

Информация об авторе

Ирина Карловна Стаф

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Институт
мировой литературы им. А. М. Горького
РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
✉ irina.staf@gmail.com

Information about the author

Irina K. Staf

Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, A. M. Gorky
Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
✉ irina.staf@gmail.com